

Могильницкий В.М.

«...Я буду считать себя счастливым человеком» / Валерий Могильницкий // Созвездие талантов. – Караганда: Полиграфия, 1993

Немало лет я интересуюсь жизнью и деятельностью ученика К.И.Сатпаева – известного ученого, писателя Евнея Арстановича Букетова. Как-то встретился с академиком Зейнуллою Мулдахметовичем Мулдахметовым, и он во время беседы со мной тяжело вздохнул:

- Горькой судьбы был человек Евней Арстанович. Немало талантливых последователей было у Каныша Имантаевича Сатпаева, но самая яркая звезда среди них—Евней Арстанович Букетов. Надо бы написать о нем заново, не тая истины...

Я давно знал много о Букетове. Крупный, неординарный ученый, писатель... Его творческие поиски помогли развитию в свое время новых в Казахстане отраслей цветной и черной металлургии. В списке трудов ученого сейчас насчитывают девять научных монографий, более двухсот статей, более 90 авторских свидетельств и зарубежных патентов.

В свое время Е.А.Букетов, как я уже писал, двенадцать лет возглавлял Химико-металлургический институт в Караганде. Он стал создателем обобщающего научного направления: химия и технология халькогенов и халькогенидов, прогрессивного метода определения элементарного фосфора а шлаке. Его научные труды по разработке пиро- и гидрохимических способов извлечения селена и теллура из медеэлек-трозолистых шлаков, получения марганцевых ферросплавов из бедных руд и высокозольных углей и многие другие до сих пор не потеряли своей ценности.

Слушая З.М.Мулдахметова, я все вспоминал, где же впервые в Сары-Арке услышал имя Букетова. И мне представился низкорослый, но ладно сбитый краевед из Жезказгана Сутемген Букуров, директор местного музея объединения “Жезказганцветмет”, который в один из дождливых дней выговаривал молодому журналисту, стоящему с папкой под мышкой на веранде музея:

- Как же вы будете о Сатпаеве писать, если не знаете абсолютно ничего о его продолжателе Букетове, если даже не касались пальцами книги “Грани творчества”? Что, не знаете, где ее достать? В библиотеке, мил человек, где же еще – в библиотеке – в любой!

Уже глядя вслед уходящему, растерянному молодому журналисту с папкой под мышкой, Букуров укоризненно; сказал мне:

- Вы посмотрите на него - ничего слыхом не слыхивал о Букетове, а туда же - в знатоки Сатпаева! А, между прочим, пока в республике никто лучше Евнея Арстановича не написал о Каныше Имантаевиче и его последователях. И он процитировал:

“Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения Чокан Валиханов... У первого казахского академика Сатпаева и его соратников -

иная судьба... Не “блестящими метеорами” пролетели они по небу советской науки, а светят устойчивым светом постоянных звезд...”. Это и о себе написал Букетов! Красиво и умно!

Разговор с Букуровым я много раз припоминал позже в Караганде, когда стоял у здания основанного Букетовым Химико-металлургического института, на котором скульптор Юрий Вильгельмович Гуммель умело высек своей мастеровой рукой барельеф видного ученого, когда шел по улице, носящей его имя... Мне было тепло на душе от того, что мы начали чтить тех, кто трудился в поте лица своего на людей, кто был первым в этом городе на тропах науки, кто жил для будущего и верил в него... Но было и огорчительно буквально через полчаса слышать от встречных студентов, что они ведать не ведают, кто таков Букетов, почему в его честь названа улица... Скажите: элементарное отсутствие интереса к трудам предшественников, пробелы просвещения...

Да, это так. Молодость, изьяны образования. Но и черное забвение имени Букетова, сотен творческих, ищущих, таких, как он, в тихую эпоху Кунаева, безоблачного застоя Брежнева... С одной стороны, Евней Арстанович, казалось, тогда получал все, что может получить талантливый человек, - высокие звания, Государственную премию, с другой стороны, - едва поднявшись во весь рост, он оказывается в роли преследуемого, гонимого...

Брат академика — персональный пенсионер республики Камзабай Арстанович Букетов недавно подарил мне книгу Евнея Арстановича “Шесть писем другу”. Довольно трудная, непредсказуемая судьба у этой книги, как и у его автора. Она увидела свет спустя одиннадцать лет после того, как получила “добро” на публикацию в издательстве. Да, да, именно в 1978 году книга Букетова была сдана в набор на казахском и русском языках. Но ее выпуск по “команде сверху” был запрещен, и тогдашнее руководство издательства поспешно сняло ее с производства.

Книга появилась в киосках и магазинах уже после того, как ее автор ушел из жизни. Она вообще могла бы затеряться, если бы не волнительная забота о личном архиве академика его брата Камзабая Арстановича Букетова. Именно к нему я обратился с просьбой объяснить нелегкую судьбу книги “Шесть писем другу”.

Как сейчас помню, Камзабай Арстанович немного помолчал, тяжело вздохнул и согласился:

- Хорошо. Хотя и не принято было у нас раньше говорить горькую правду напрямик, да и сейчас кое-кто боится это делать, я скажу. У Евнея Арстановича гладкий путь к звездам славы был прерван где-то в конце семидесятых годов, когда он не вовремя снял свою кандидатуру на пост президента Академии наук республики. К тому же, не информировал об отказе своем самые верхние эшелоны власти. Это сейчас - если хочешь, выставляй свою кандидатуру, свою программу, борись, и тебе, как говорится, воздастся! А тогда было такое время: не смей своего суждения иметь. Тем более, что на пост президента Академии наук Казахстана претендовал не кто-нибудь иной, а сам брат Д.Кунаева – Аскар! Разве можно было

противостоять такому кандидату? Ясное дело, периферийный академик Букетов сразу попадает в опалу. В Карагандинский университет, который он в то время возглавлял, из Алма-Аты следуют комиссия за комиссией. Они занимаются многочисленными никчемными ...проверками, ищут “жарфакты”, чтобы очернить кандидата в президенты Академии, чтобы при первой же возможности “сместить его” и с кресла ректора провинциального вуза.

Его начали всюду теснить и преследовать, подрывая здоровье. Дошло до того, что Евнея Арстановича стали упрекать в самозванстве, зазнайстве на том основании, что в своей книге “Грани творчества”, изданной в 1977 году в издательстве “Жазушы”, он не только не показал роль Д.А.Кунаева в становлении Академии наук Казахской ССР, но даже не упомянул, что тот был ее президентом в 1952 — 55 годах. Зато Букетов слишком, чуть ли не до небес превознес имя К.И.Сатпаева, которого терпеть не мог Д.А.Кунаев. В конце концов “дело на Букетова” довели до того, что в молодежной республиканской газете на него опубликовали фельетон-пасквиль “В соавторстве о Хлестаковым”. Поводом для этого фельетона послужили “Записки научного работника” Е.А.Букетова, опубликованные в журнале “Простор” в восьмом и девятом номерах за 1978 год. Критик Ю.Рощин пожелал увидеть в них “скособоченную общественно-политическую картину”... Причем, в фельетоне была специально подчеркнута должность Букетова, мол, его мировоззрение не соответствует креслу, на котором он сидит. Эта статья была явным спецзаказом критику, и он с административным восторгом выполнил его.

Камзабай Арстанович Букетов вручил мне большую папку материалов, опубликованных в журналах и газетах, о своем именитом брате. Среди множества похвальных статей я натолкнулся за злополучную. “В соавторстве с... Хлестаковым. (О “Записках научного работника” Е.А.Букетова)”. С первых же абзацев чувствуется, что к оценке произведения академика Ю.Рощин подходит явно предвзято, заведомо ставя целью уничтожить автора как творческую личность. Откуда же тогда такие фразы: “Мифологический Нарцисс в сравнении с автором выглядит могучим коллективистом... Несмотря на мажорное название, это многостраничное творение удивляет неуверенным “ячеством” автора, самоуверенной гиперболизацией его личной общественно-социальной роли”... Критик даже подсчитал, что местоимение “я” у Букетова на каждой странице повторяется не менее 10-15 раз.

Я когда-то читал “Записки” Букетова, недавно заново перечитал их и скажу, что в них нет и миллиардной йоты “саморекламной мишуры”, о которой вещает на весь мир закодированный “ценным указанием сверху” критик. Да и смешно было уже тогда читать эти места в рецензии! Когда поэта В.В.Маяковского один критик упрекнул в “ячестве”, “саморекламе” в стихах, то он спросил его: “Скажите, а когда вы объясняетесь в любви девушке или женщине, то говорите ей: “Мы вас любим”? Она ведь может испугаться и спросит: “А сколько вас?”.

Ясно, что “я” Букетову необходимо было, как каждому творческому человеку. Как же еще иначе, скажите, можно с наибольшей силой выразить свою любовь, кроме как через собственное сердце, душу свою, свое “я”?! Но критик не унимался, он назвал “Записки” даже “проповедью мещанства”, “приступом нарциссианства”, напоминая автору назидательно о том, что “мы - коллективисты”. Так и хочется сказать Рошину: коллективисты-то мы коллективисты, только каждая литературная вещь - дело индивидуальное, нигде творческое “я” так не сильно, как в литературе, тем более мемуарно-документальной. Чокан Валиханов после встречи с Достоевским писал ему в Семипалатинск: “...Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю...”. Исходя из своей концепции не писать от имени “я”, Ю.Рошин мог бы разделить под орех и самого Чокана Валиханова, да заодно с ним и Федора Михайловича Достоевского, который тоже свои записки пишет от собственного “я”. Вот его строки Валиханову: “А я Вам объявляю без церемоний, что я в Вас влюбился... Я тоже Вас люблю, что мечтаю о Вас и о судьбе Вашей по целым дням”.

Явно натянутая критика в “Ленинской смене” не могла не возмутить писателей Казахстана, ученых, всю общественность. Но многие друзья Евнея Арстановича струсил, отвернулись от него, ведь его вроде уличили в нескромности и отсутствии (цитирую) “партийной объективности, гражданской ответственности”. А тогда такие ярлыки не зря навешивали на талантливых людей, все догадывались: попал одаренный человек под такую критику - значит, нелюб “верхам”. Критика в то время, как и тысячи партийных мероприятий, заорганизовывалась сверху, дабы не вылезали из подчинения более умные кадры, не позволяли себе самостоятельных мыслей и поступков. Зачем, к примеру, Букетов в своих “Записках” выпячивает одних ученых, а других “замалчивает”? Разве это его дело - оценивать ученых республики? Не превышает ли он своих полномочий. Вот если бы проанализировать деятельность только ученых КарГУ, тогда ясно, он ведь ректор университета. А по республике давать оценку не его ума дело... Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток. А если нарушаешь - берегись, на тебя всегда найдется какой-нибудь Ю.Рошин!

Как говорится, Бог правду видит, да не скоро скажет. И напрасно! Не было бы нещадной необъективной критики Ю. Рошина - не было бы больших неприятностей у Букетова, может быть, он и по сей день был бы жив и здоров, и воспитал на радость нам не один десяток подобных себе ученых.

Однако, как мы знаем, академик в конце концов был разжалован из ректора Карагандинского университета ни за что, ни про что. Ему в конце концов милостиво предоставили должность научного сотрудника в том же химико-металлургическом институте в Караганде, который он сам когда-то основал с легкой руки К.И.Сатпаева и долгое время возглавлял его. Удар был настолько силен, что, проработав всего три года в лаборатории, Евней Арстанович скончался. Скончался в расцвете творческих сил на 58-м году жизни, так и не осуществив многих своих творческих замыслов.

Подобное отношение к талантам, позорящее самую душу человеческую, укорачивающее жизнь многих видных ученых, писателей, как я уже писал, было в застойные годы нормой.

Завистники Е. А. Букетова тогда в открытую пророчили гибель академику: “Сверху вниз падать почти смертельно... Он не выдержит цепей “маленького человека на маленькой должности”.

Вспоминая то время, Камзабай Арстанович Букетов говорил мне:

- Как они все ошибались. Главным в жизни брата была не должность, не высокий пост, а творчество! А этот удел ищущих никакой приказ, никакая комиссия не в силах запретить.

Академик Зейнулла Мулдахметович Мулдахметов, ныне возглавляющий Центрально-Казахстанское отделение Академии наук Республики Казахстан, говорил мне:

- Талант - не разменная монета, а величина постоянная. Конечно, его можно и потерять, если не закалять трудом. А Евней Арстанович был прямо-таки рожден для труда. Правда, от трудов своих праведных он не нажил палат каменных. Но его есть за что хвалить.

З.М.Мулдахметов прежде всего отмечает большие заботы Букетова, которые удачно легли в сок да в корень организованного им химико-металлургического института в Караганде. Время становления учреждений такого рода обычно измеряется десятилетиями. Букетову же и его коллегам понадобилось всего три года, чтобы институт получил общесоюзное признание. Не будет большим секретом, если отмечу, что этому признанию способствовал курс Букетова на укрепление связи науки и производства. Евней Арстанович любил рассказывать историю о том, как в ауле, где он родился, казахи научились выращивать хлеб. Русский мужик - переселенец Лазуткин дал отцу Букетова горсть зерна пшеницы, помог вспахать Землю и засеять клин. Через несколько лет уже весь аул Алыпкаш питался “лазуткинским” хлебом. Вот так и зерна науки надобно сеять в промышленности, чтобы они давали всходы, полезные людям.

Сам Евней Арстанович всегда охотно откликался на зов производственников, больше того - он не ждал, когда этот зов проявит себя в стенах института, а шел на узкие участки производства сам, чтобы “решить” их. В Жезказгане, Балхаше и Темиртау Букетов для рабочих и специалистов был своим человеком. Балхашские металлурги, например, до сих пор вспоминают, как вместе с “букетовским” институтом они резко подняли производительность труда конвертеров, разработав и внедрив в производство оригинальной конструкции печи шахтного типа с накладной газораспределительной решеткой. Легко выдуваемый в трубу порошкообразный медный концентрат превращается печками в окатыши. И использованные в конвертерах в качестве холодных присадок, гранулы эти резко подняли мощность агрегатов. Они стали выдавать на тех же площадях дополнительные десятки тысяч тонн меди, соответствующей мировому стандарту.

Немало лет Евней Арстанович вместе с коллегами работал над тем, чтобы извлечь из ядовитого дыма труб медеплавильного завода серную кислоту, редкие металлы, в том числе редчайший из них – рений, и своего добился! Не зря за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате ему была присуждена Государственная премия. “Я – производственник, я металлург”, – продолжал говорить он с гордостью, уже будучи академиком.

Более 90 авторских свидетельств и зарубежных патентов на его счету. Скажите, какой нынче академик может похвастать такой крепкой связью своих научных устремлений с производством. Не засиделись ли наши научные профессора у пробирок в лабораториях, в шикарных кабинетах у пылью покрытых книг? Пример Букетова мог бы стать, той ариадниной нитью, которая вывела бы многих ученых на простор производственных площадей. Не могу не повторить известный теперь всем факт: уже после кончины Евнея Арстановича в химико-металлургический институт из Москвы пришло официальное уведомление, что новому способу электрохимического окисления фосфора присвоено имя авторов, и он имеет название “способ Букетова-Баешева”.

Многие научные работники Караганды называли Е. А. Букетова за глаза да и прямо в глаза “строителем”. И в этом слове - тоже признание людей созидательной, организаторской деятельности академика. З. М. Мулдахметов подарил мне фотоснимок, на котором нынешний директор по кадрам и социальным вопросам объединения “Карагандауголь” Нариман Оспанович Тулепов, бывший тогда председателем Карагандинского горисполкома, указывает Евнею Арстановичу места площадок для строительства новых корпусов университета.

Надо сказать, вопросами возведения университетского городка Букетов занимался основательно и подетально. Тот же Зейнулла Мулдахметович в беседе со мной отметил, что особой страстью Евнея Арстановича было строительство. И далее продолжил свою мысль: “В организационном смысле он постиг все тонкости дела еще при возведении корпусов химико-металлургического института. Сегодня трудно поверить, что учебный корпус университета по улице Гоголя сметной стоимостью около миллиона рублей благодаря заботам, настойчивости Букетова был построен всего-навсего за несколько месяцев и введен в строй к началу учебного года. При его активном содействии был заложен университетский городок на “Юго-Востоке”, построены главный учебный корпус, два общежития, три жилых дома для преподавателей. Согласитесь, мало кто сейчас из руководителей обладает таким даром, умением организовать всех на строительство важных объектов...”.

Что ж, с Зейнуллой Мулдахметовичем остается только согласиться. Как прав он и в том, что Евней Арстанович во всем был неординарной личностью, касалось это науки, строительства, воспитания новой смены, литературы...

Рассказывая о таланте Букетова, как мне обойти молчанием тот факт, что он был членом Союза писателей, то есть признанном литератором? В не так давно изданной в Москве в издательстве “Молодая Гвардия” книге “Ритмы и алгоритмы” ученый Анатолий Константинович Сухотин в главе “Притча о двух Ломоносовых” пишет об уникальном сочетании в одном человеке научного и художественного дарования. Читатель, верно, догадался, что речь идет прежде всего о Михаиле Васильевиче Ломоносове. Будучи великолепным химиком, он в то же самое время был и отличным поэтом. Но не только о великом русском ученом рассказывает доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Томского университета А. Сухотин. Рад, что мне первому выпала честь привести эти строки Анатолия Константиновича: “И уже совсем в наши дни проявились дарования Е. Букетова. Член-корреспондент Казахской академии наук, лауреат Государственной премии, он является крупным специалистом в химии. Казалось бы, современная наука сполна поглощает ученого, и ему уже не остается времени ни на что другое... К тому же Е. Букетов - ректор Карагандинского университета. По правде сказать, не у каждого ректора достает сил даже на науку: хватает административных забот. Е. Букетов не только большой ученый, но не менее известный писатель, поэт, создавший ряд художественных произведений на родном казахском языке и познакомивший соотечественников со многими жемчужинами русской и западной классики. Его переводы стихов В. Маяковского, поэмы С. Есенина “Анна Онегина”, рассказов Э. Золя и других творений мирового искусства хорошо приняли в республике”.

И это так. Одно усиливало и проявляло другое, да я уверен в том, что не было бы крупного ученого-химика Е. А. Букетова, если бы не было Букетова-писателя.

Но как проявился в нем дар писательства? На этот вопрос сам Евней Арстанович отвечал так: “Считаю, что литературный талант, как любой другой, надо постоянно развивать. А что значит — развивать? Необходимо денно и нощно трудиться, усердно трудиться над каждой новой вещью, выдавая на-гора каждые сутки минимум 2-3 страницы текста, причем добротного, как коксующийся карагандинский уголь... Вот моя заповедь!”.

Букетов сам следовал этой заповеди. В начале пятидесятых годов он садится за стол надолго, по семь часов в сутки. “В эти часы я чувствую себя горняком, который спустился в подземные коридоры,— говорил он своему брату Камзабаю. - Может, повезет, и у меня пойдет добротный черный пласт, и я выдам на-гора тысячи прекрасных строк, а может, попаду в песчаник— тогда прощай, гениальные строки!”.

Надо сказать, Букетову везло — уже в те годы он пишет массу добротных рецензий на произведения писателей республики.

Именно тогда появились и его первые аналитические литературоведческие статьи: “О переводах на казахский язык произведений В.В.Маяковского”, “Грозное оружие” (о творчестве В.В.Маяковского).

У Камзабая Арстановича до сих пор сохранилась фотография, где молодой Евней читает на клубной сцене “Стихи о советском паспорте” В.В.Маяковского. Читал он и отрывки из романа шахтерского писателя Габита Мусрепова “Пробужденный край”. Читал великолепно! Ему нравился Габит Мусрепов, его сочный образный язык. Об этом он открыто писал в “Казахстанской правде” в своей рецензии. Габит-ага прочитал ее и напросился по телефону придти на чай к своему критику. В то время Евней жил с женой Зубайрой Дюсеновной в небольшой комнате в коммунальной квартире, и все же они умудрялись быть гостеприимными хозяевами, часто приглашали к себе, как говорил Евней, интересных людей.

В тот вечер их беседам, кажется, не было конца.

Надо сказать, первым в Евнее заметил дар литератора Габит-ага, и он ни на каплю не ошибся. Сейчас держу в руках перечень литературных трудов Е.А.Букетова и хватаюсь за голову: как много он сделал, как много написал! Тут и рецензии, и литературные портреты писателей и ученых, и статьи (только в “Казахстанской правде” их было 30 крупных), и переводы пьес, поэм, стихотворений, и путевые очерки, и, наконец, книги!

Мало кто нынче вспоминает автора книги “Сары-арка— золотая планета”, карагандинского журналиста Сергея Никитина, а ведь по сути он первым по-настоящему глубоко и проникновенно поддержал литературный талант Е.А.Букетова, посвятив ему в своей книге целую главу под названием “Простор”. В частности, в ней он писал: “Статьи Букетова о научной интеллигенции Казахстана, рецензии и театральные обзоры, написанные на русском языке, были известны мне, но не знал я, что автор их прежде всего химик. Они привлекали внимание читателей лаконичностью и точностью в анализах и оценках, тонким вкусом и чувством меры...”

Наверное, лучше – не скажешь! И все же даже Сергей Никитин признает, что “Евней Арстанович Букетов прежде всего ученый, педагог”. Это чувствуешь, даже когда читаешь его литературные вещи. Ведь многие из них - не художественные, не беллетристика, а публицистический рассказ об очевидном. Такова его книга “Грани творчества”. Вот, к примеру, есть в ней раздел: “Второй в республике”. О чем он? Ну, конечно же, о родном университете, карагандинских ученых, о воспитании в стенах вуза творческих, научных работников, специалистов...

Кстати, З.М.Мулдахметов дал мне такую информацию: “Сегодня своим наставником Евнея Арстановича считают десять докторов и более шестидесяти кандидатов наук. В любом более или менее крупном предприятии химического и металлургического профиля, а также научных учреждениях республики можно встретить его учеников. Значительная часть их продолжает начатое им дело...”

Хорошие слова! А главное — правдивые, объективные. Когда в институте органического синтеза и углехимии Академии наук республики в Караганде я познакомился с сотрудниками лаборатории химии угля, то все они, как сговорившись, сразу представились мне:

- Мы - ученики Букетова.

И, не скрывая радости, сообщили, что в Караганде планируется строительство и эксплуатация завода по переработке угля.

Порадовала меня и такая новость: только за последнее время восемь достойных продолжателей дела, идей Е.А.Букетова из Центрально-Казахстанского отделения Академии наук республики защитили докторские диссертации. Это Н.Бектурганов, А.Жарменов, М.Бакеев, А.Баешев, Е.Максимов, В.Шкодин, С.Исабаев и другие.

Давно я, например, знаком с доктором технических наук, профессором Нуралы Султановичем Бектургановым. Скромный, всегда подтянутый, сдержанный и приветливый, он сразу производит хорошее впечатление на человека. Нуралы Султанович молод – ему нет и пятидесяти. Но на его счету уже более 220 научных трудов. А начал свою научную деятельность Нуралы Султанович под непосредственным руководством Евнея Арстановича. Даже первые его научные Труды написаны совместно с Букетовым. Это - “О целесообразности шахтного обжига гранулированных сульфидных концентратов в связи с их дальнейшей переработкой”, “Способ переработки маложелезистых медьсодержащих материалов”, “Исследование по переработке коллективного медно-свинцового концентрата с использованием шахтного обжига”, “Исследование содовой восстановительной плавки кеков от окислительно-сульфатизирующего обжига медно-свинцовых сульфидных концентратов” и так далее. Все совместно с Букетовым и его сподвижниками Нуралы Султанович создал и написал двадцать пять научных трудов!

Никак не могу не написать и о докторе технических наук, профессоре Виталии Павловиче Малышеве. Он чуть постарше Н.С.Бектурганова, да и сотрудничество с Букетовым начал на пять или более лет раньше. Совместно с Евнеем Арстановичем Малышев написал монографии: “Извлечение селена и теллура из медеэлектролитных шламов” и “Технологические процессы шахтного обжига в цветной металлургии”, впервые опубликованные в издательстве “Наука” Академии наук республики в 1969 и 1973 годах.

Самое примечательное – что и при жизни Букетова и после его кончины” Виталий Павлович с настойчивой благодарностью относится к своему Учителю. Он написал и опубликовал немало статей о жизни и творчестве инея Арстановича, в которых непременно подчеркивает, что Букетов был не только крупным ученым, химиком, металлургом но и талантливым писателем, одинаково хорошо владел русским и казахским литературными языками. В одной из своих статей Виталий Павлович пишет: “Такие его значительные вещи, как “Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники” /журнал “Знамя”, 1972, № 8/, “Время светлой судьбы” /“Простор”, 1978, № 8, 9/ и другие, получили общественное признание благодаря живому изображению взаимного притяжения казахской и русской культур, прежде всего в области образования, высшей школы и науки”.

Во время, надеюсь, не последней нашей встречи Виталий Павлович признался мне, что очень хочет написать книгу о своем Учителе.

- Думаю рассказать в ней всю правду о Букетове, о его счастье и трагедии...

Виталий Павлович дал мне свою статью, в свое время да и до сих пор, конечно, не, напечатанную в “Казахстанской правде”, куда он посылал ее в июле 1989 года. Правда, он получил ответ из редакции: “Уважаемый товарищ Малышев, Вы написали великолепную статью. И я очень сожалею, что газета не может ее опубликовать: объем. А сокращенный наполовину вариант испортил бы ее совершенно, испортил бы Ваш труд. Потому Вам мой совет – перешлите статью в журнал. Хотя бы в “Простор”... Искренне — Л.Вайдман. Заведующий отделом”.

Но Виталий Павлович в журнал ее не послал, а вместо этого решил написать книгу о Букетове. Он дал мне, как я уже говорил, черновик статьи. Справедливость — в каждой строке. Не могу удержаться – процитирую то место, в котором говорится о преследованиях Букетова /имеется в виду статья некоего М.Рощина, а на самом деле помощника Л.Кунаева М.Александрова/. О ней я уже напоминал. Вот что по этому поводу пишет Малышев: “Удар по Букетову был чувствителен. Но он был нанесен не только но живому человеку и его творению, но и по еще более живому интернационализму, и потому наносившие его могли довольствоваться только временным успехом и были обречены на поражение... Да, Евней Арстанович Букетов после “разгромной” статьи в молодежной республиканской газете ушел с должности ректора Карагандинского университета в старшие научные сотрудники химико-металлургического института нашей академии, перенес несколько инфарктов и в 1983 году скончался – 58 лет от роду /что за возраст для богатырской натуры?/. Но за последние годы своей жизни он не только обогатил научное поприще подлинно революционными идеями в области получения моторных топлив и иных ценных продуктов из угля, но и подготовил к печати рукописи художественно-исторических повестей о Сатпаеве и Валиханове - интернационалистах самого крупного масштаба утверждавших всем своим укладом жизненным это самое святое дело. Повести частично опубликованы посмертно, и ныне их автор, воскресший в граните Мемориальной доски, взирает с характерной для него едва заметной /возникающей!/ иронической усмешкой и негаснущим интересом на поток входящих в институт людей – таких разных и зачастую так нуждающихся в этом взгляде”.

Как мы знаем, лаборатория химии и угля была последним пристанищем и детищем Евнея Арстановича. Здесь у него родилась гениальная мысль – всерьез заняться превращением низкоэнергетических углей Шубаркольского, Май-кубенского и других месторождений Сарыарки в широкий ассортимент топлив: в бензин, дизельное топливо, топливо для авиационных реактивных двигателей. Уже тогда он приложил большие усилия для создания новой лаборатории, ее начинки современным оборудованием... Учтите, что все это он делал после своего смещения с поста ректора университета. Другой бы озлобился да и перестал служить науке, вносить новые идеи и сражаться за них. Сказал бы: “Послужил своему неблагодарному обществу, хватит, пусть другой ему служит...”. Не озлобился, не сказал так. И за свой высокий пост

не переживал – переживал, что несправедливо его критиковал Роцин, ибо очень любил истину во всем и презирал придворных писак.

Нынешний ректор Карагандинского университета Жамбул Саулыбекович Акылбаев, который при Букетове работал проректором, недавно мне рассказывал:

– Мы все любили Евнея Арстановича. Когда я узнал, что он после нескольких бессонных ночей, вызванных бесконечными вызовами в обком партии, написал заявление об уходе с должности ректора по собственному желанию, то пришел к нему в кабинет с предложением “пойти всем коллективом туда и отстоять его”. На это он мне сказал:

– Туда ходить нечего, ведь команда шла из Алма-Аты, от первого... И тут хоть бастуй, хоть молись до утра, толку не будет. Ведь мы живем в тоталитарном государстве.

И добавил:

– А может, оно все к лучшему? Наконец-то, я смогу свободно сесть за свой письменный стол и окончить книгу... Наконец-то, смогу вести опыты в лаборатории по экономичному превращению излишков угля в топливо для внутреннего сгорания... Говорят, все, что ни делает бог, к лучшему.

И, закрывая дверь своего кабинета, попросил:

– Только уж вы все не забываете меня в университете...

Но весь парадокс в том и состоит, что как только он вышел навсегда из университета, грузно ступая по гранитным лестницам, на продуваемую ветром улицу и затерялся в толпе обычных прохожих, так память о нем стала гаснуть быстро, как дым от костров в мокром саду. И нынешние студенты, к стыду нашему, даже не могут назвать имени человека, сотворившего университет в Караганде, так как не знают о нем ни-че-го-шеньки! Мне просто не хочется называть десятки фамилий тех, кто слова вразумительного не мог сказать на мой вопрос, кем был Букетов, кто он такой?

К счастью, новый ректор университета, конечно, помнит и чтит имя Букетова. И потому он так горячо поддержал идею увековечить свет его дел. И университет с недавних пор носит имя Букетова. Евней Арстанович как бы возвращается к нам.

– За все это надо благодарить Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева,— сказал мне Камзабай Арстанович Букетов. – Нурсултан Абишевич долгое время работал в Карагандинской области, хорошо знал Евнея Арстановича, чтит его талант, и многое сделал для увековечивания его памяти. Если бы не его забота и поддержка, Евней Арстанович давно бы канул в лету забвенья.

Нынче в Караганде в университете создан музей академика Е.А.Букетова. Его директором стал брат академика Камзабай Арстанович Букетов. Вместе с ним мы организовали инициативную группу по созданию фонда имени академика Е.А.Букетова.

Спросите: для чего? Прежде всего для оказания содействия, поддержки и воспитания творческой молодежи республики в духе высокогуманных гражданских принципов. Он должен способствовать развитию идей Евнея

Арстановича в деле подготовки казахстанской интеллигенции и молодых специалистов, преподавателей, научных сотрудников, инженерно-технических сотрудников. Наконец, что немаловажно, при помощи этого фонда можно было бы издавать забытые рукописи Е.А.Букетова. Ведь многие из них до сих пор не увидели света!

При нашей последней встрече Камзабай-ага поделился радостью: в личном архиве академика он обнаружил две нигде еще не опубликованные рукописи брата. Одна из них о Чокане Валиханове - его жизни и деятельности в Казахстане, дружбе с видными русскими писателями и учеными. Не случайно, думается, Е.А.Букетов свою книгу назвал “Святое дело Чокана”;

Вторая рукопись посвящена ученому-геологу Канышу Имантаевичу Сатпаеву. Евней Арстанович в свое время задумал написать трилогию о жизни и творчестве этой выдающейся личности, но успел осуществить свой замысел лишь частично. “Детство ученого”, – так назвал он свою книгу о юном Каныше.

Обе рукописи объединены под названием “Слово о двух мыслителях”. Я с интересом прочитал эти произведения Букетова: они проливают новый, дополнительный свет на образы двух крупных ученых Казахстана. И эти книги давно следовало бы издать у нас, в республике. Но парадокс, как и в прежние застойные годы, семье Букетовых отказывают в этом. Вот последний ответ из издательства “Казахстан”: “Уважаемый Камзабай Арстанович! К сожалению, издать рукописи не представляется возможным: нет ни бумаги, ни денег, ни полиграфбазы. Если вам удастся найти спонсоров для погашения издательских и типографских расходов и бумагу, то ее, возможно, можно включить в проект темплана на 1993-1994 годы. Рукопись в двух экземплярах возвращаем...”.

Увы, пока К.А.Букетову не удалось найти спонсоров. Да и на счету фонда академика Е.А.Букетова пока всего 80 тысяч рублей, выделенных университетом и малыми предприятиями. Немалую помощь фонду оказало Карагандинское полиграфическое объединение “Офсет”, с легкой руки его генерального директора Малика Имашевича Имашева. Остальные пока, увы, пассивны. Но председатель фонда академик З.М.Мулдахмстов подписал недавно письмо-обращение к руководителям крупных и малых предприятий, коммерческих структур с просьбой оказать спонсорскую помощь. Надежда прежде всего на такие крупные предприятия, как Карагандинский металлургический комбинат, производственное объединение “Карагандауголь”, “Балхаш-медь”, “Жезказганцветмет” и другие, в развитие которых внесли немалый научный вклад Евней Арстанович и его последователи. Думаю, не останутся в стороне предприятия и совхозы Ссеверо-Казахстанской области, где родился Е.А.Букетов.

Скоро мы будем праздновать 70-летие со дня рождения Е.А.Букетова. И хорошо бы к этой дате издать его забытые рукописи, а может быть, и избранное его трудов.

Перед своей кончиной Евней Арстанович писал: “Я не знаю, что будет после меня, но если хоть одно зерно, посеянное мной, даст плоды, я буду считать себя счастливым человеком”.

Buketov university